

Засодимский Павел Владимирович

Не судите, да не судимы будете!

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Не судите, да не судимы будете! / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-519-85798-7

ISBN 978-5-519-85798-7

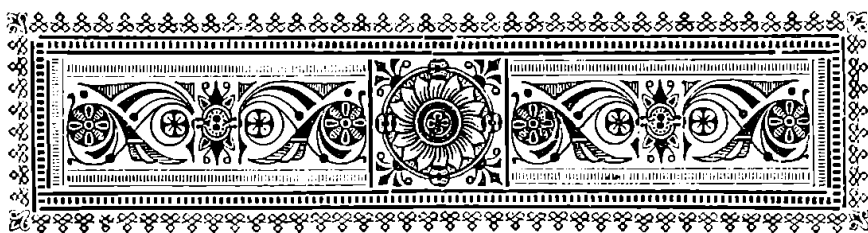
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Не судите, да не судимы будете!

(Повѣсть).

I.

Лѣтъ за двадцать тому назадъ, въ Петербургѣ, на тѣневой сторонѣ Гороховой улицы, между Каменнымъ и Семеновскимъ мостами, въ первомъ этажѣ большого каменнаго дома находилось торговое заведеніе подъ вывѣской „Восточный Магазинъ“.

Продолговатая вывѣска, блестявшая надъ его входною дверью и надъ двумя окнами съ зеркальными стеклами по сторонамъ двери, была написана по черному фону золотыми буквами, и подъ словами „Восточный Магазинъ“ болѣе мелкими, но довольно жирными литерами значилось: „Д. А. Аверьянова“. На одной половинкѣ наружной двери былъ написанъ турокъ въ чалмѣ съ дымящимся кальяномъ въ рукахъ, а на другой была изображена смуглая красавица съ полуобнаженною грудью и голыми руками, украшенными браслетами, и прикрытая бѣлою полупрозрачною чадрой.

Небесно-голубого цвѣта потолокъ и стѣны, съ широкимъ ярко-краснымъ бордюромъ, окаймленнымъ черною полосой, шкапы чернаго дерева съ позолоченной

пшкрукстаціей, конторка изъ такого же дерева и съ такими же украшеніями, прилавокъ съ мраморною доской, круглый мраморный столикъ и на немъ—на серебряномъ подносѣ—стаканъ и граненый графинъ съ водой, разнообразный товаръ, со вкусомъ размѣщенный на полкахъ и въ окнахъ, гипсовыя и изъ терракоты статуэтки пастушковъ и нимфъ, тамъ и сямъ мелькавшіе фотографическіе снимки съ знаменитыхъ картинъ мѣологическаго содержанія,—однимъ словомъ, вся обстановка дѣлала изъ этого небольшого магазина изящную, блестящую игрушку и въ то же время—замѣчательно уютный уголокъ посреди непривѣтливаго уличнаго однообразія.

Восточный Магазинъ своимъ изяществомъ скоро обратилъ на себя благосклонное вниманіе публики, шатающейся по петербургскимъ улицамъ. О магазинѣ заговорили. Въ первые дни по открытіи въ магазинѣ буквально съ утра до ночи толпился народъ.

Иной празднующійся — особенно въ вечернюю пору—заходилъ лишь для того, чтобы полюбоваться на магазинъ, но; совѣстясь зря глазѣть по сторонамъ, покупалъ пачку папирсъ, закуривалъ, разглядывалъ фотографіи и статуэтки и, поболтавъ съ хозяиномъ или съ приказчикомъ, очарованный уходилъ изъ магазина и послѣ того дѣлался его всегдашнимъ покупателемъ. „Нигдѣ вѣдь въ магазинахъ даромъ не даютъ, такъ лучше же я стану покупать тамъ, гдѣ мнѣ пріятно бывать, гдѣ обращаются со мной любезно!“.. Такъ, приблизительно, разсуждалъ онъ. „Прелестъ — что за магазинъ! Игрушечка!“ говорили дамы. „И хозяинъ—очень интересный мужчина... Такой милый!.. Приказчикъ—немного мраченъ, но тоже—вполнѣ приличный господинъ“...

Очевидно, владѣлецъ магазина родился подѣ счастливой звѣздой, и магазинъ былъ открытъ въ добрый часъ. Магазинъ быстро привлекъ къ себѣ массу покупателей обоого пола и всѣхъ возрастовъ, всякаго званія и состоянія,—и репутація его быстро упрочилась не только на Гороховой, но и въ районѣ всѣхъ прилегающихъ къ ней улицъ, переулковъ и набережныхъ Мойки, Екатерининскаго канала и Фонтанки.

Кромѣ главныхъ предметовъ торговли — табаку, сигаръ, папирозъ, гильзъ, трубокъ, мундштуковъ и т. под., въ Восточномъ Магазинѣ покупатель могъ найтн всякую всячину: письменныя принадлежности — бумагу, перья, карандаши, конверты всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, чернила, гумми-арабикъ, раскрашенныя поздравительныя карточки, въ ту пору только что проникшія къ намъ изъ-за границы, альбомы для фотографическихъ карточекъ и для вписыванья чувствительныхъ стихотвореній „на память“, портсигары, портмонэ, изящныя и недорогія галантерейныя вещицы французской работы изъ „новаго золота“ и серебра, фотографическія карточки знаменитыхъ людей и сильныхъ міра сего, пресспапье, олеографіи, рамки для картинъ, прелестныя фарфоровыя статуэткн и т. д.

Если бы я вздумалъ перечислять всѣ предметы, имѣвшіеся въ этомъ—сравнительно, небольшомъ — магазинѣ, то мнѣ пришлось бы исписать не одну страницу. Понятіе о Восточномъ Магазинѣ, объ его энциклопедичности, я полагаю, дано,—и того пока довольно. По мѣрѣ же развитія нашей исторіи читатель все болѣе и болѣе станетъ знакомиться съ этимъ маленькимъ магазиномъ, интереснымъ по той драмѣ, что разыгралась въ его стѣнахъ...

Ненастный октябрьскій вечеръ спустился надъ Петербургомъ.

Темныя, густыя облака низко ползли по небу и отъ уличнаго освѣщенія казались почти совсѣмъ черными. Бѣлыя каменные громады домовъ рѣзко и какъ-то зло-вѣще рисовались на фонѣ этихъ темныхъ облаковъ. Въ воздухѣ стояла изморозь; шелъ не то снѣгъ, не то дождь. Сѣверо-западный вѣтеръ дулъ порывами, стучалъ водосточными трубами, плохо прикрѣпленными вывѣсками—и съ шумомъ проносился по улицѣ. Подъ его бурнымъ дыханіемъ желтоватые газовые огни въ фонаряхъ колебались, а прохожіе тщательнѣе нахлобучивали шляпы на лобъ и поднимали воротники своихъ пальто. Улицы были залиты грязью, на тротуарахъ, куда достигалъ свѣтъ уличныхъ фонарей, блестѣли лужи.

Въ этотъ темный, бурный вечеръ, при взглядѣ на омраченный городъ, трудно было и представить себѣ, чтобы надъ этими улицами и площадями, боровшимися своими жалкими газовыми рожками съ заливавшимъ ихъ мракомъ, могло когда нибудь блистать ясное, голубое небо, и могъ весело играть яркій, животворный солнечный лучъ...

Былъ уже одиннадцатый часъ въ исходѣ.

Нѣкоторые магазины на Гороховой были уже закрыты, другіе запирались, немногіе продолжали торговать. Восточный Магазинъ былъ еще ярко освѣщенъ. Большая висячая лампа съ розовымъ абажуромъ надъ прилавкомъ и двѣ лампы у оконъ давали достаточно свѣта—даже слишкомъ достаточно. Владѣлецъ магазина, Аверьяновъ, Дмитрій Александровичъ, стоялъ за конторкой и провѣрялъ по книгѣ дневную выручку.

Аверьяновъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26, блон-

динъ, невысокаго роста, стройный, нѣсколько худощавый, но, повидимому, пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ. Его овальное лицо, съ карими глазами, съ тонкимъ, слегка горбатымъ носомъ и съ небольшимъ ртомъ, обросшее свѣтло-русой бородкой и мягкими шелковистыми усами, не могло быть названо красивымъ, но было очень симпатичнымъ.

По здоровому румянцу, игравшему на его щекахъ, по ясному взгляду его кроткихъ и довѣрчивыхъ, свѣтло-карихъ глазъ и вообще по веселой безпечности и добротѣ, отражавшимся на его лицѣ, можно было заключить, что жизнь еще не успѣла помять этого человѣка, что онъ еще не хлебнулъ изъ той ядовитой чаши, которую порокъ такъ предупредительно подноситъ каждому изъ насъ во дни юности. Но признаковъ характера, силы воли, энергіи для борьбы съ жизнью—трудно было бы найти въ лицѣ молодого человѣка. Можно было повѣрить его искренности, но нельзя было поручиться за то, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Все зависитъ отъ того, подъ какими вліяніями и вѣяніями станетъ онъ жить въ данную пору...

Его костюмъ—темная визитка, такой же галстукъ, жилетъ и сѣрые штаны—не имѣлъ претензій на щегольство, но все-таки былъ сшитъ по модѣ того времени, т. е. начала 70-хъ годовъ.

Теперь, когда Аверьяновъ склонялся надъ грессбухъ, завитки его короткихъ, бѣлокурыхъ волосъ падали ему на лобъ, но онъ уже привыкъ къ тому и не обращалъ на нихъ вниманія...

На противоположной сторонѣ магазина, у окна, склонившись надъ прилавкомъ, стоялъ высокій, смуглый мужчина и разсѣянно пробѣгалъ газету, разложенную

на прилавкѣ. Это былъ Виталій Алексѣевичъ Вьюшинъ, приказчикъ Аверьянова, сидѣвшій „на отчетѣ“, чело-
вѣкъ лѣтъ тридцати, повидимому, очень сильный, ши-
рокоплечій, съ широкой спиной, почти головой выше
Аверьянова, съ густыми черными волосами, съ боль-
шой черной бородой, всегда тщательно расчесанной и
съ замѣчательно правильно очерченнымъ, блѣднымъ,
смуглымъ лицомъ. Многіе считали его очень красивымъ
мужчиной, дамы находили его интереснымъ, самъ же онъ
былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ—красавецъ.

Но его красивое, смуглое лицо, его глубокіе, тем-
ные глаза, отливавшіе холоднымъ блескомъ стали, ча-
сто нахмуренныя брови, плотно сжатые губы—произ-
водили иногда какое-то странное, мрачное впечатлѣ-
ніе. Съ такимъ господиномъ было бы трудно разгово-
риться по душѣ.

Вьюшинъ, повидимому, очень занимался своей осо-
бой и одѣвался гораздо щеголеватѣе хозяина: онъ былъ
весь въ черномъ, и сюртукъ на немъ сидѣлъ такъ
ловко, что, очевидно, былъ шитъ не у перваго встрѣч-
наго портного.

Въ ту пору въ магазинѣ былъ и еще одинъ чело-
вѣкъ, но такой маленькій, что его почти было не видно
изъ-за прилавка. На скамейкѣ за прилавкомъ сидѣла
дѣвочка лѣтъ четырнадцати, низенькаго роста, худая
и блѣдная, съ книгой на колѣняхъ и, запустивъ одну
рученьку въ свои темно-рыжіе, распущенные волосы,
погрузилась въ чтеніе. Порой она отрывалась отъ кни-
ги и такъ взглядывала на Аверьянова, какъ бы жела-
ла что-то сказать ему, но, видя его занятымъ, не про-
рониавъ ни слова, снова склонялась надъ книгой.

Между этой дѣвочкой и Вьюшинымъ замѣчалось силь-
ное родственное сходство,—да и не мудрено: она была

младшей и единственной сестрой Виталія Вьюшина. Она казалась далеко не такъ красива, какъ братъ, но черты лица ея были пріятнѣе, мягче. Впрочемъ, она переживала въ то время ту неопредѣленную, переходную пору, которая предшествуетъ превращенію дѣвочки-ребенка въ женщину. Дѣвочки—впослѣдствіи даже очень красивыя—въ эту пору бываютъ какъ-то нескладны, неловки и вовсе не кажутся хорошенькими.

Лобъ у дѣвочки былъ небольшой, носъ довольно широкій, губы толстыя, и не по лѣтамъ была она мала ростомъ. Но та же смуглая блѣдность, тѣ же глубокіе, темные глаза, что и у брата, только безъ металлическаго блеска, болѣе мягкіе, задумчивые; во взглядѣ ихъ сказывалась иногда дѣтская наивность, а иногда вовсе недѣтская серьезность и сосредоточенность, какъ будто въ этомъ маленькомъ—повидимому, дѣтскомъ—тѣлѣ уже жила душа женщины. Лицо ея можно было назвать неудачной копіей лица ея брата; оно много потеряло въ правильности очертаній, но зато выиграло въ выраженіи той высшей духовной красоты, которую истинный художникъ ставитъ выше классической правильности чертъ. На эту дѣвочку жаль было смотрѣть: такъ худошаво было ея личико и такое страдальческое выраженіе порой мелькало въ загадочной глубинѣ ея большихъ, темныхъ глазъ.

Въ тотъ ненастный вечеръ покупателей было мало: забѣгала горничная дѣвушка купить „для барина“ табакъ и гильзъ, заходилъ гимназистъ купить перочинный ножикъ и нѣсколько картинокъ декалькоманіи, забрелъ какой-то господинъ за папиросами.

Въ магазинѣ было тихо. Аверьяновъ подсчитывалъ кассу; приказчикъ его, казалось, заснулъ надъ газет-

ными объявленіями. Слышался только звонъ мелкаго серебра, да дѣвочка по́рой осторожно перелистывала свою книгу.

— Ахъ, Маруся! Какъ ты горбишься! Точно старушка!—съ ласковой усмѣшкой проговорилъ Аверьяновъ, взглянувъ на дѣвочку.

— Я ужъ такъ привыкла, Дмитрій Александровичъ! Меня и учительница часто останавливаетъ, — сказала дѣвочка, приподнявъ голову и въ свою очередь посмотрѣвъ на хозяина: ея губы, глаза, все лицо ея въ ту минуту какъ-то просвѣтлѣло и улыбалось.

Очевидно, большое удовольствіе доставило ей то обстоятельство, что на нее обратили, наконецъ, вниманіе, заговорили съ ней.

— Какую хорошую книжку вы мнѣ дали, Дмитрій Александровичъ!.. Благодарю васъ!—тихимъ, вѣжливымъ голосомъ зашебетала дѣвочка, повидимому, обрадовавшись возможности высказаться, подѣлиться своими впечатлѣніями.—Такая прелесть—это путешествіе въ Африку... странствованіе по пустынь на верблюдахъ, съ арабами... описаніе урагана... какъ ихъ заносило пескомъ, какъ верблюды отворотились отъ вѣтра и легли... И потомъ это путешествіе на острова дикихъ... Тамъ людоеды... и какъ тамъ тепло, Дмитрій Александровичъ! Тамъ всѣ—мужчины и женщины—ходятъ безъ платья... Тамъ растетъ хлѣбное дерево, кокосовыя пальмы... А какіе цвѣты тамъ!.. Понугай въ лѣсахъ... обезьяны лазаютъ по деревьямъ... Вы читали, Дмитрій Александровичъ?

— Читалъ!—съ улыбкой слушая дѣвочку, отвѣтилъ Аверьяновъ. — Я радъ, если тебѣ понравилась моя книжка.

— Очень!—съ чувствомъ отозвалась Маруся, поправ-

ляя свои сбившіеся, густые, темно-рыжіе волосы. Но какіе тамъ ужасные звѣри... какъ его... я забыла...

— Полно же болтать! Мѣшаешь заниматься,—строгимъ, холоднымъ тономъ остановилъ ее братъ.—Въ другой разъ я не возьму тебя съ собой.

Маруся сразу понурилась, съежилась, какъ бы желая сократиться, сдѣлаться какъ можно меньше, чтобы какъ можно менѣе занимать мѣста въ этомъ шикарномъ магазинѣ.

— Она мнѣ вовсе не мѣшаетъ!—замѣтилъ Аверьяновъ, ласково посмотрѣвъ на дѣвочку.—Но та уже не шелохнулась и вся, съ головой, скрылась за прилавкомъ.

Затѣмъ, немного погодя, Аверьяновъ, стараясь подъ веселою безпечностью скрыть свое смущеніе, шутливо замѣтилъ приказчику:

— У насъ сегодня въ кассѣ опять недочетъ... не достааетъ одного рубля сорока копеекъ.

— Видно, какъ-нибудь обсчитался при сдачѣ!—съ дурно скрытымъ раздраженіемъ отзывался Вьюшинъ, комкая газету и отбрасывая ее въ сторону.—Вычтите изъ жалованья!

— Съ вами, Виталій Алексѣевичъ, нынче просто разговаривать невозможно!—сдержанно проговорилъ Аверьяновъ, и легкая тѣнь неудовольствія и грусти промелькнула по его открытому лицу.

— Такъ и не разговаривайте!—съ напускной грубостью вполголоса проворчалъ Вьюшинъ.

Аверьяновъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не дослышалъ, и продолжалъ въ примирительномъ тонѣ:

— Конечно, нужно быть очень внимательнымъ... ошибиться недолго... Публлки много толчется въ магазинѣ...

— Сегодня весь день народъ!—вставилъ Вьюшинъ.

— Вотъ то-то и есть! А если я стану все вычитать у васъ изъ жалованья, то что же вамъ останется... Согласитесь!

— Ну, что жъ! Сколько останется,—и ладно!—сказалъ Вьюшинъ, взглядывая на витрину.

— Нѣтъ, я вижу, вы сегодня совсѣмъ не въ духѣ,—замѣтилъ Аверьяновъ, слегка потягиваясь и облакачиваясь одной рукой на конторку.—Какой ненастный и тоскливый вечеръ у насъ сегодня!—немного погоды, заговорилъ онъ, проводя рукой по волосамъ и взглядывая на дѣвочку.—Маруська! Хоть бы ты снѣла какую-нибудь пѣсенку...

— Какую же?.. Ахъ! Я новый романсъ узнала, Дмитрій Александровичъ... только я его не весь знаю! Хотите скажу?—спросила дѣвочка, поглядывая на него изъ-за книги.

— Хочу!—отвѣтилъ Аверьяновъ.

И Маруся, не перемѣняя позы, вполголоса, съ чувствомъ проговорила своимъ дѣтскимъ серебристымъ голоскомъ:

«Тебя здѣсь нѣтъ, но ты со мною,
Твоя рука въ моей рукѣ,—
И все, мой другъ, полно тобою
Въ моемъ укропномъ уголкѣ!
Пусть стонетъ ель, пусть злится вьюга,
Бушуи въ холодѣ ночномъ...
Ты для меня—что солнце юга,
Тепло и свѣтъ въ тебѣ одномъ!»...

Дѣвочка ожила, глаза ея блеснули. Вполнѣ ли понимала она смыслъ романса?—неизвѣстно. Но она сумѣла вложить много чувства въ свое простое, безискусственное чтеніе.